

НЕ ПРЕДАВАЙ НАС

ЕКАТЕРИНА БЕЛИКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Беликова

Не предавай нас

«Автор»

2026

Беликова Е.

Не предавай нас / Е. Беликова — «Автор», 2026

Говорят время лечит... Но я понял: они все лгут, чтобы сохранить хоть какой-то баланс в этом чертовом мире. Время лишь притупляет боль - и то не надолго. Вчера Владислав Лисенко потерял не просто семью - его лишили последней слабости, которая еще делала его человеком. Сегодня он возглавил всю теневую империю, подмяв под себя весь криминальный мир страны. Завтра "исчезнут" все, кто встал у него на пути. А послезавтра для него не будет писаных законов. Но даже получив власть, перед которой склоняются короли преступного мира, он обречен на вечное одиночество. Ведь та, чей смех когда-то заставлял его сердце биться чаще, навсегда осталась в руинах его прошлой жизни. Он никогда больше не встретит ту, что полюбит... Но он даже не догадывается, что судьба уже готовит ему встречу, способную либо подарить второе дыхание, либо уничтожить окончательно.

© Беликова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Екатерина Беликова

Не предавай нас

Глава 1

Влад

Выстрел. Сухой, резкий, без эха - слишком много вокруг тел. Еще один. Следом прогремел взрыв. Желудок сжался от перепада давления. Волной отбросило охранника, когда тот побежал ко мне. Он пролетел метра три, хрустнул позвоночником о бетонный блок и затих. Жить не будет. Я даже не запомнил его лица.

Позади послышалось шуршание - кто-то осторожно переступал через осколки. Я обернулся, выставляя руку со стволом вперед.

Показалась до боли ненавистная рожа француза.

Пристрелить бы собаку, да не хочется руки марать об это дерьмо.

Он поднял на меня свои серые глаза и приподнял руку вверх. Только одну. Во второй у него тоже была пушка. Гребанный француз.

Я опустил оружие, снова взяв под контроль правый фланг.

Взрывы боеприпасов с самых дальних складов до сих пор слышны. Периодически что-то свистит, и где-то в небесах хлопает уже не громко, а мерзко. И по всей видимости, этот фейерверк будет слышен не один час. Запах горелой плоти, резины и тротила смешался в один привкус, который потом будет стоять в горле ещё несколько дней.

Француз что-то бормотал на своём языке, потом перешёл на английский. Дрожал голос. Или мне показалось.

Я не отвечал.

Чёрт, я даже не хотел вникать в проблемы этого уroda. Я знаю одно: если лягушатник появился спустя два года - не к добру.

И вуаля. Он заговорил на ломаном русском.

- Владислав... - пробормотал он, когда мимо просвистела пуля и нашла свою цель в окне джипа напротив. Стекло рассыпалось на мелкие частички. Мы оба успели прикрыться руками

- Снайпер, - крикнул я, чтобы ребята позади слышали. Если они ещё были живы. А они вряд ли. Двоих я видел минуту назад - лежали лицом вниз с рваными ранами на спинах. Третий, по идее, должен был прикрывать тыл, но молчание за спиной говорило само за себя.

- Это мой человек, - неожиданно признался Киллиан Мюррей.

Я оглянулся на него. И точно уверен: он прочитал в моём взгляде всю ненависть, которую я испытываю к нему. Почему, мать его, я до сих пор не впустил ему пулю в лоб? Вопрос повис в воздухе, пахнущем гарью.

Я оставил его без ответа.

- И на кой это чучело стреляет в нас? - прорычал я.

Француз захлопал глазами, пытаясь перевести то, что я сказал. Идиот.

Я повторил на французском.

- Это знак, что периметр чист.

Класс. В заднем кармане джинсов загудел телефон. На экране высветился незнакомый номер. Чёрт, судя по цифрам, это даже не наша страна.

- Слушаю, - гаркнул я.

- Мистер Лисенко, - пропел женский голос. - Я так рада, что вы ответили на звонок. Жаль только, что при таких обстоятельствах.

Я примерно представил, кому может принадлежать этот голосок. Гребаная китайка.

Шуи Ли. Совладелица компании "Янг И" на рынке движимого счастья. Они с братом для меня конкуренты.

- Всегда рад помочь, - буркнул я и оглянулся на француза. Тот привстал из-за машины и начал махать своему снайперу. Надеюсь, тот перепутает и подобьёт гадёныша...

Раздался выстрел. У Киллиана подкосились ноги, и он упал на бетон, схватившись за плечо и крича ругательства на французском. Кровь хлынула сквозь пальцы - чёрная, маслянистая в свете пожара.

Из динамика доносился голос китаянки.

- Пошла ты...

Сунул телефон в карман, подползая к нему.

- Какого хрена ты творишь? Было ясно, что это не твой снайпер.

Из французского рта сыпались ругательства. Сквозь них пробивалась боль, но больше - страх. Не за себя - за кого-то ещё.

- Дай посмотрю.

Отодвинул его кровавую руку, чтобы убедиться, что этот засранец скоро сдохнет.

- Ты придурок. Это всего лишь царапина! - заорал я и толкнул его, отодвигаясь в сторону.

Он прислонился спиной к машине и снова заговорил на своём языке, но уже спокойнее. Из его речи стало понятно, что его подстрелила его бывшая. То есть снайпер - это женщина. Ещё лучше.

Послышался вой сирен.

Мы переглянулись. А после помчались со всех ног в сторону пылающих складов. В этот миг я не думал о снайпере. Мне хотелось не быть пойманным не в том месте и не с тем человеком.

Взрывы продолжались, но уже не так интенсивно. Киллиан перепрыгивал через обгоревшие тела. Их было много. Слишком много для одной ночи. Руки, ноги, лица - всё смешалось в одну массу, которую кто-то потом будет опознавать по зубам и прижизненным шрамам. В какой-то миг француз запнулся - кажется, о чужую оторванную кисть - и кувырком полетел на асфальт, впечатался в него.

Я остановился, подхватил этого бедолагу и почти потащил его на себе. Слева откуда ни возьмись появилась та самая снайперша. Чёрный спортивный костюм, на голове кепка с надписью "Lis mes lèvres" (Читай по моим губам). За спиной висел громоздкий рюкзак. Она залопотала на своём - по всей видимости, ругательства. Подхватила своего дружка. Тащить этого идиота вдвоём казалось легче. А может, и нет - тяжело тащить того, кто отчаянно хочет жить, когда сам давно забыл, зачем дышишь.

Сирены приближались.

- Лодка! - крикнула она и указала в сторону реки.

Киллиан очнулся около получаса назад. Лицо опухло, ссадина от асфальта - как вторая улыбка, только кривая и кровавая. Болеть будет ещё долго. И пусть. Я просто вздохнул. Мне-то какая разница.

- Я должен объясниться, - пробормотал он в лодке.

Я лишь кивнул и отвернулся, глядя на рассвет. Жёлто-оранжевое небо освещало хвойные леса. Птицы разлетались по сторонам. Ласточки ныряли в свои логова в берегу, чуя опасность. А мир вокруг продолжал жить, будто только что нигде не рвались снаряды и не остывали трупы.

На реку бросалась тень от леса. Чёрная. Бессмысленная. Как моя жизнь.

Мир до сих пор цветёт и пахнет. Сыростью, хвоей, речной водой. Осень сменилась зимой. Весна - летом. И так по второму кругу. А я до сих пор жив. Дышу. Хожу. Но внутри давно уже пусто. Иногда мне кажется, что я сам - ходячий труп, просто забыл лечь. Скучаю по тому, чего уже не вернуть. По той жизни, где не нужно было оглядываться через плечо.

Лодка остановилась через два часа в частном секторе. На пристань вышли двое. Две куколки в цветных рубашках и шортах - словно они в отпуске. Они не спрятали оружие, наоборот, наставили его на меня.

Я в пятый, а может быть, уже в десятый раз пожалел, что не всадил пулю лягушатнику в тот миг, когда он появился. Французское логово под носом у правительства. Это что-то новенькое.

- Уберите оружие! - крикнула снайперша. Имя она не потрудилась сказать, да и мне плевать. Миниатюрная, хрупкая сидела за мотором и знала эти воды как свои пять пальцев.

Киллиан кое-как вылез из лодки. Перекинулся речью с теми, что на причале. И они ушли.

- Влад, идём, - позвал он.

А я продолжал сидеть и смотреть на чертов дом из белого камня. Напоминающий мой бывший дом в Монако. Тот, где когда-то пахло кофе и её духами. Где по утрам было тихо и спокойно.

Чертова морока встала перед глазами - не картинка, не воспоминание, а просто тяжёлая серая пелена. В груди что-то оборвалось, и становилось трудно дышать. Не от бега, не от ран - от того, что прошлое вдруг настигло здесь, на чужой пристани, в чужом доме. Я выдохнул - и не почувствовал облегчения.

Я вздрогнул от выстрела. Французская сучка палила в воздух - то ли предупреждение, то ли просто развлечение. Осмотрела меня, хмыкнула - и к дому. Без лишних жестов.

- Если ты сначала предпочитаешь принять душ и переодеться...

- К черту, - буркнул я, вваливаясь в дом, и наливая виски без разрешения хозяев. Рука не дрожала. Жаль. - Говори, что тебе нужно?

Он замешкался. Я видел: хотел смыть с себя эту ночь. Запёкшаяся кровь на футболке. Грязь, вьёвшаяся в каждую складку. Кончики кроссовок стёрты в ноль. Но он не ушёл.

Подошёл ко мне и тоже налил себе. Выпил залпом, поморщился - не от виски, от боли в плече.

- Хорошо. Ты предпочитаешь дело. Я согласен.

Сел на диван, указывая мне напротив.

Разговор будет долгим.

Сомневаюсь, подумал я. Словно нет уже приготовленного для тебя.

- Два года назад. Когда мы с тобой пробрались в дом Томаса Армстронга и выкрали очень полезную информацию. Я посадил два десятка высокопоставленных чиновников. Французское правительство попыталось скрыть это. Но... - он кашлянул. - Я... Я нашел того, кто опубликовал всё в цифровом доступе. И... Влад, - он посмотрел на меня так, словно я для него последняя надежда. - Неделю назад из школы украли мою сестру. Подъехал минивэн и увёз в неизвестном направлении... - он замолчал, сжимая челюсти. Глотка ходила ходуном. - Ты единственный, к кому я могу обратиться. Помоги найти её. Помоги спасти.

Я поставил бокал на стол и взглянул на него.

- Я что, похож на отдел полиции? Мюрей, ты агент разведки. Придумай что-нибудь. А я - пас.

Я встал из-за стола и направился к выходу. К двери. К воздуху. К тишине, где нет ни этого дома, ни его голоса, ни прошлого.

- У меня есть кое-что для тебя.

- Сомневаюсь.

- Это про твою жену.

Я резко обернулся в тот миг, когда тёмно-бордовая кожаная папка мягко легла на стол.

И наши взгляды встретились.

В его надежда, в моих...

В груди снова стало пусто. Только теперь эта пустота имела имя. И папка, лёгшая на стол, весила больше, чем все трупы сегодняшней ночи. Потому что внутри, я знал это ещё до того, как открыл, - внутри не было надежды.

Только серая, бессмысленная тень. Как на воде. Как в моей жизни.

И лодка, которая уже не уплывёт.

Глава 2

- Как твоё имя?

Голос прозвучал громко и жестко. Плотная ткань повязки давила на глаза, и в самый неподходящий миг кончик носа зачесался. Терпеть. Я должна терпеть.

Вокруг нас было слишком тихо. Ни шороха, ни скрипа. Только его дыхание напротив. Наверное, оно единственное, что не давало мне спалиться от страха.

Я боялась так сильно, что слюна наполняла мой рот каждую чертову минуту. Я глотала её, и каждый глоток раздавался громом среди тишины. Он её тоже слышал и, скорее всего, радовался моему страху.

Он ждал. Между его первым вопросом и этой вечностью прошло, быть может, две минуты, но для меня они растянулись на годы. Я застыла.

Почему я молчу?

Потому что это проверка. Это не просто вопрос. Им плевать на моё имя. Им нужно заглянуть вглубь, прощупать меня. Есть ли что-то помимо этого липкого ужаса?

Шаг. Тяжёлый, как и его ботинки. Я сжалась.

Второй шаг - и я перестала слышать даже собственное сердце. Мои пальцы в кроссовках сжались от напряжения и заболели.

Я паниковала, и, чёрт возьми, он это понимает.

Тёплый, почти невесомый поток воздуха коснулся кожи моего лица. Я поняла - он наклонился.

Его голос прозвучал снова, но уже настойчиво:

- Как твоё имя?

И тут я усмехнулась. Про себя конечно. Моя маленькая, почти незаметная победа.

Эти люди не повторяют дважды. Они жестоки, как сталь, но справедливы. Никаких поблажек, никаких скидок на то, чья я дочь. Ни от отца-подполковника, ни на дядю подполковника. В этом месте их имена не открывают дверей, не смягчают приговор. Здесь нет слова "пощады", здесь есть только результат.

Я вспомнила тот момент, когда впервые переступила порог этого здания. Их взгляды не горели любопытством. Они сканировали, взвешивали - и ровно через секунду отворачивались. Я для них пустое место. Никто. Просто ещё одна единица, которую нужно проверить на прочность.

И сейчас, сидя на этом проклятом железном табурете, со связанными сзади руками и давящей повязкой, я чувствую их взгляды сквозь стену. Там, за чёрным стеклом, они ждут. Они ждут, когда я сломаюсь. Когда воздух выйдет из меня со свистом, когда плечи поникнут, а голос дрогнет. Они хотят увидеть, как я сдуюсь, как дешёвый воздушный шарик, оставив после себя лишь жалкую оболочку.

Он жаждет намёка, чтобы вогнать в меня свои кулаки, тяжёлые, как кувалды. Он будет пробиваться через боль. Именно так и будет. Они будут пытаться меня. Будут изучать, пока я не взмолюсь о пощаде, пока я не попрошусь домой.

Только вот... дома у меня нет.

Эта мысль бьёт резче, чем любой удар. Пустота внутри - вот мой настоящий дом.

- Как... твоё... имя?

Третий раз? Серьёзно? Может, я ошиблась в них? Может, мне стоит сдаться и назвать это дурацкое имя?

Я снова сглатываю - громко, мерзко, слюна вязнет в горле, и мне кажется, этот звук слышит вся комната. А затем лёгкое шуршание, взмах воздуха, и мир переворачивается.

Удар. Я впечатываюсь лицом в бетонный пол. Ослепительная боль растекается по телу, как кипяток, заставляя разум отделиться от плоти.

Как же мне хочется заплакать. Как сильно я хочу просто исчезнуть, испариться, сбежать в никуда.

Но он даже не тронул меня. Просто скинул табуретку. А я даже не успела ничего понять. Идиотка. Связанная, беспомощная.

Не так быстро, как хотелось бы, но я всё же собралась. Переворачиваюсь и сажусь на пол, подогнув ноги под себя.

Ему это совсем не нравится. Я чувствую это по тому, как застыл воздух, будто он стал гуще, тяжелее.

Он хотел сломать меня одним ударом. А я просто села. И в этом молчании "я не сдаюсь" и есть моя сила.

- Встать! - голос мужчины взрывается.

Я встаю. Медленно, тяжело, заставляя мышцы подчиняться. Я чувствую его дыхание - теперь оно совсем рядом. Я не отворачиваюсь, даже если за повязкой не вижу его лица. Пусть знает, пусть они все знают: я не сломлена.

И тут вдали, за стеной этого бетонного ада, раздаётся детский плач. Пронзительный, срывающийся, молящий.

У меня перехватывает горло. Челюсти сжимаются до скрежета, и я позволяю себе только один выдох, а затем беру себя в руки. Плач бьёт по натянутым струнам души, но я не могу позволить себе упасть в эту пропасть.

- Прислушайся.

Голос справа. Нежный, почти ласковый. Женский. Я не слышала, как она вошла. Она просто стала рядом, бесшумно, как тень.

Ребёнок плачет. Захлёбывается слезами, просит вернуть его к маме. Он хочет назад домой. Он хочет назад своего плюшевого мишку. А может, это она? Голос писклявый и искажённый расстоянием. Девочка. Наверное, девочка.

- Твои мамочка и папочка ждут тебя. Вернись к ним, - женские слова поют мне.

Кому это она сказала? Мне или ей? Или это одно и то же?

Я делаю глубокий вдох и произношу со смесью боли и злости:

- Если бы я хотела умереть, то не пришла бы к вам.

Наступает тишина. А затем женщина тихо смеётся.

- Птичка умеет говорить.

Мне показалось, или в этих словах я почувствовала искру уважения? А может, это всего лишь издевка. Но я уже не ищу ответов. Я принимаю правила игры.

- Птичка умеет летать, - отвечаю я, и голос звучит ровно, спокойно. Я беру под контроль каждую эмоцию, каждый нерв и отодвигаю плач ребёнка на задний план.

- Птичка обожжёт крылья и упадёт замертво на мёрзлую землю.

Я закрываю глаза под повязкой, и картина вспыхивает перед глазами.

Маленькая синичка. Комочек перьев. Она бьёт крыльями, стараясь взлететь выше, к небу, но каждое движение лишь раздувает пламя. Её пёрышки тлеют, дымятся. Она пытается снова и снова, но каждый взмах приближает её к концу.

Эта птичка - я.

А внизу меня ждёт... неминуемая смерть.

Но она падает, не сдавшись. Она сражается до последнего мгновения. Даже когда воздух становится раскалённым, даже когда дыхание превращается в хрип, даже когда небо затягивает чёрным дымом.

И тут - резкий взмах крыльев. Ворон. Он вынырнул из ниоткуда. Мощный. Хищный. Он хватает её на лету - крошечное тельце исчезает в его когтях, и...

Картина рассыпается. Я вздрагиваю, словно от удара током.

- Умерла, - шепчет самодовольный голос у самого уха.

Я сглатываю.

А затем из тьмы доносится молодой голос:

- Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

- Евангелие? - вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать.

Я резко дёргаю головой вперёд, прямо в пустоту. И в тот же миг - хруст. А затем моё тело с грохотом обрушивается на бетонный пол, и проклятия, словно калёные гвозди, вонзаются в мой слух.

- Кусок мяса... Папинькина дочка...

Я слышу каждое слово, но оно не достигает цели. Я слышала это слишком часто, чтобы позволить фразам коснуться меня. Слух обострился до предела. Её шаги стали медленнее, тяжелее. Она устала? Или наслаждается моментом?

Я встала.

Мои ноги дрожат, но они держат. Чувствую, как она приближается, как меняется воздух перед ударом. Он приходит в живот, в ту самую секунду, когда я успеваю напрячь мышцы. Она ругается сквозь зубы, коротко, зло.

Мои пальцы сжимаются в кулаки, но руки всё ещё связаны за спиной. Я слышу свист её замаха, а потом надвигающийся удар. Почти перед самой моей кожей, почти в тот момент, когда должно раздаться столкновение с лицом, - я вворачиваюсь. Тело двигается само.

Удар уходит в пустоту, и я на долю секунды думаю, что всё, я выиграла. Но в этот самый миг мне не хватает воздуха. Я пропускаю удар в солнечное сплетение. Он выбивает из меня дыхание, сгибает пополам, и я хватаю ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Свист снова - теперь по коленям, и я падаю на ледяной пол. Сворачиваюсь калачиком. Мои руки всё ещё сзади, я беспомощна, как ребёнок, но я не кричу.

И тут - удар по лицу.

Он приходит резко, обжигаяще. Я чувствую, как что-то влажное и тёплое разливается по подбородку, стекает на шею. Кровь. Моя кровь заполняет рот, и я проглатываю её.

Я не закрываю глаза. Даже под повязкой. Я смотрю на неё, на них всех.

Они ещё не знают, что я - та птичка, которую не так просто убить.

- Как твоё имя? - голос мужчины звучит снова. Он устал ждать. Но я - тем более.

Молчание. Тишина стала моим единственным оружием.

И тут - удар по рукам, связанным за спиной. Кулак вонзается в запястья, разрывая кожу о верёвки. Сильная боль пронзает всё тело. Я сдерживаю крик.

Больно. Ужасно, невыносимо больно. Каждая клетка орёт, просит пощады, требует назвать своё имя. Просто назови его - и всё закончится. Боль исчезнет. Я смогу дышать. Я смогу жить.

А затем - звук, которого я не ожидала. Резкий, сухой, рвущий тишину.

Выстрел.

Все удары, вся боль от кулаков и обуви вдруг становятся незначительными. Потому что ногу выше колена, в бедре, опалает чем-то ледяным и огненным одновременно. Жжение. Горение. Оно растекается по венам, как расплавленный свинец, выжигая всё внутри.

Я вскрикиваю. Звук вырывается из горла против моей воли, но я тут же сжимаю челюсти до скрежета, до боли в зубах и начинаю дышать глубоко, ровно. Я отстраняюсь. Я покидаю тело, эту комнату, эту боль.

Я улетаю.

Птичка... Куда же ворон понёс её?

Он поднимается высоко - выше облаков, выше гор, выше самого страха. Он разжимает свои когти. Она падает. Кружится в воздухе, маленькая, беспомощная, но падает в сугроб. Снег принимает её мягко, укутывая в холодную перину.

И в тот же миг боль исчезает. Головка синички поворачивается к небу, глазки бегают по сторонам, высматривая опасность. Но никого нет. Ни ворона, ни угрозы. Только бесконечное бледное небо.

А был ли ворон вообще? Или это просто игра воображения?

Я почти поверила в это спокойствие. Почти.

Но реальность врывается снова.

Очередной выстрел. Другое бедро пронзает адская вспышка. Болезненный стон вырывается из моего рта - грубый, низкий, животный. Он возвращает меня в реальность, приковывает к этому полу, к этому телу, к этой пытке.

- Хорошо, - раздаётся одобрителный голос надо мной, будто я сдала экзамен.

Меня грубо подхватили под руки, посадили на этот несчастный табурет. Металлические ножки скрипнули, будто узнали меня. Сколько таких, как я, сидело здесь до меня? Сколько имён они вырвали?

Руки безвольно повисают вдоль тела. Я пытаюсь оценить повреждения на бёдрах, но пальцы нащупали лишь густую, липкую влагу.

Резкое движение. Повязка срывается с глаз, и яркий ослепительный свет бьёт прямо в зрачки. Я невольно вскидываю кровавые, дрожащие руки, прикрывая глаза, и тёплая липкая влага размазывается по лицу. Я пачкаю себя кровью. Моей кровью.

Зрение возвращается медленно. Я вижу их. Группу людей в идеально отутюженной форме. Они стоят передо мной, как статуи, как судьи, которые вынесли приговор.

А во главе - он.

Тот, кто принимал участие в моём воспитании. Тот, кто учил не бояться, кто вложил в меня первые навыки выживания. Тот, кто всё это время стоял за стеклом, наблюдая, как я умираю и воскресаю вновь.

Он смотрит на меня. Сжатые губы, ни единой эмоции: ни одобрения, ни гордости, ни сожаления.

- Ты принята, - сухо произнёс он.

Я киваю. Медленно. Тяжело. Словно голова налилась свинцом. Опускаю глаза на свои руки, сжимающие раны на бёдрах. Красные, влажные, дрожащие. Они больше не кажутся мне моими. Они - инструменты, прошедшие проверку.

Я добилась.

Ученица разведывательной школы. Я принята. Мой дядя - тот самый человек, что стоит передо мной, - принял меня в свою вотчину. Я доказала, что достойна.

И даже сейчас, когда боль отступает на второй план, я чувствую, как внутри разливается спокойствие. Это не победа. Это начало.

И я готова.

- Отец не узнает, - говорю я одними губами.

Он кивает - едва заметно, по-военному. Взгляд на секунду теплеет, и гаснет.

Этого достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.